

Пролог

АЛЬБЕРТО

Тот день

Альберто никогда не понимал, почему люди боятся темноты. С тех самых пор, когда он был маленьким мальчиком, он радовался наступлению крошечной тьмы как приходу старого друга. Независимо от того, приходила ли темнота сама, как в конце дня, либо он призывал ее с помощью сна, выпивки или наркотиков, она всегда принимала его в свои объятия и погружала в черное шелковистое забытие. Она давала ему защиту — пусть даже всего лишь на несколько часов, — защиту от той жестокой реальности, которую неумолимо обнажало взошедшее солнце.

Нет, Альберто не боялся темноты, зато свет пугал его до усрачки. А сейчас они оба, похоже, сражались за контроль над его телом. Дневной свет

словно ненадолго вынес его на поверхность — ровно настолько, чтобы он осознал боль. Но затем его мысли обвили щупальца чернильно-черного беспмятства, снова затянув его в глубокое забытие. Затем, через какое-то время, что-то заставило его вынырнуть обратно на поверхность. Что-то важное. Что-то близкое, что находилось прямо перед ним, но ему было нелегко вырваться из блаженной безопасности мрака. Однако дневной свет тянул его за собой, вытягивал все дальше и дальше из царящей внутри его тьмы наверх, на поверхность. И чем ближе, тем это было больнее.

С каждым морганием, с каждым вдохом, с каждым едва заметным движением его мышцы пронзала жгучая боль, и он осознавал, что что-то врезается в его лицо. Камешки? До него вдруг дошло, что он, должно быть, лежит ничком на улице. Этой мысли хватило, чтобы заставить его открыть глаза, в которые сразу же больно ударил свет рассветного солнца. Он тотчас закрыл их опять, но это уже не имело значения. Красное свечение проникало сквозь тонкую нежную плоть его век, высвечивая крошечные кровеносные сосуды, так что перед глазами плавали темные точки. Стало быть, сегодня ему больше не удастся спрятаться в черном забытии.

Альберто понадобилось несколько долгих минут, прежде чем его сознание и его тело в достаточной мере скоординировали свои усилия, чтобы полностью вернуть его в настоящее и чтобы он понял, где находится. Он лежал на решетке ливневого стока, и его левая щека была прижата к глубокой трещине в асфальте.

— *Mierda*¹, — пробормотал он. И встал на четвереньки, морщась и стеная от боли в спазмированных мышцах. — Ну все, все, все.

Он медленно поднял руку, чтобы смахнуть мелкие камушки, приставшие к щеке. И едва подумал, что избавился от них, тут же ощутил на своей ладони что-то теплое, мокрое и липкое — что-то, что могло быть только кровью.

Альберто тотчас насторожился еще больше. Он что, упал и разбил голову? Или его сбила машина? Если бы не тот факт, что все его конечности, похоже, были невредимы, он мог бы поклясться, что его сбил поезд, — так сильна была боль.

Едва он сел на корточки, как кровь потекла еще обильнее — целый ручеек, сбегающий по лицу откуда-то с волосистой части головы. Крупные темно-красные капли падали на асфальт, сливаясь с черной как смоль поверхностью. Альберто сделал глубокий вдох и, призвав на помощь все свои силы, встал и выпрямился во весь свой рост — пять футов и десять дюймов². Вокруг него теснились задние части домов, выцветших и побитых непогодой.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять, где он находится, — в конце переуллка за дешевым баром, где он был завсегдатаем: «Эль Гальорохо»³ в самом сердце *Ла Перлы*⁴. По сравнению со

¹ Досл.: дерьмо (*исп.*), в контексте означает «черт». — Здесь и далее прим. пер.

² 177, 8 см.

³ *El Gallo Rojo* — «Красный петух» (*исп.*).

⁴ *La Perla* — Жемчужина (*исп.*), название беднейшего района города Сан-Хуана, Пуэрто-Рико.

Старым городом с его мощенными булыжником улицами и колоритными магазинчиками, до которого отсюда было рукой подать, Ла Перла казалась захолустьем — опасный темный район, которого туристам, когда они сходили со своих шикарных круизных лайнеров, советовали избегать. Но они все равно заглядывали, особенно те из них, кто хотел привезти домой нечто «особенное». То, чего не найти в сувенирных магазинах, но что легко было раздобыть в глухих переулках Ла Перлы, если ты готов заплатить соответствующую цену. Например, в таком переулке, как этот.

Альберто снял с себя грязную, пропитанную потом футболку и прижал к ране на голове, чтобы остановить кровь. И попытался мысленно восстановить цепь событий, которая привела его сюда. Он выпил — крепко выпил. Он вообще крепко пил с тех пор, как Росарио умерла семь месяцев назад. Это было единственное, что помогало ему как-то прожить очередной день. Это и еще «кое-что особенное», когда становилось совсем уж невозможно.

Он поднапрягся и вспомнил, как стоял перед барной стойкой, разговаривая с Беатрис. Ей он отдал последнюю оставшуюся в его кармане купюру, чтобы заплатить за пиво — еще за одну порцию... Он думал о том, что ему нужно выбраться из дома — из тесного бетонного домишки, покрашенного выцветшей голубой краской. Когда-то он пообещал Росарио, что покрасит его в голубой цвет — ее любимый. И покрасил, чтобы порадовать ее, после того как родилась Исабельита. Они были счастливы в этом доме — до той самой ночи, ког-

да родилась их вторая дочь. До той ночи, когда все пошло не так — ужасно, возмутительно не так. До той ночи, когда он, Альберто, стал вдовцом с пятилетней малышкой и новорожденным младенцем на руках. Со своими девочками. Со своей Исабель-итой и своей Марианой...

Когда в мозгу, затуманенном алкоголем и горем, прозвучало имя младшей дочери, его словно пронзил электрический разряд. Он был не готов к этому внезапному всепоглощающему чувству, к тому, что все связи между его нейронами пробудятся одновременно, и ему пришлось схватиться за ствол ближайшей пальмы, чтобы снова не упасть.

— Мариана, — прошептал он, когда его память захватили образы ребенка.

Он катил ее по улице в прогулочной коляске, зашел в бар, чтобы показать Беатрис, как выросла дочка, и согласился выпить еще кружечку «за счет заведения». Но, разумеется, одного пива ему всегда было недостаточно, разве не так? И что-то произошло... кто-то избил его до потери сознания из-за... из-за чего? Он не мог этого вспомнить.

Но куда подевалась Мариана?

Альберто почувствовал, как к горлу подступает жгучая желчь. Окинул взором место, где только что лежал, и посмотрел по сторонам, почти боясь того, что может увидеть. Но прогулочной коляски нигде не было. И его ребенка тоже.

— *Por favor, Padre querido...* — пробормотал он, увидев что-то розовое в нескольких шагах от себя. — Пожалуйста, Господи...

Он не обращал внимания на острую боль, пронзавшую его при каждом шаге, полном ужаса, пока не остановился, глядя на то, что лежало на земле.

Альберто Руис упал на колени, прижав к груди один крохотный розовый носочек, и, подняв глаза к небу, закричал от страха и ярости, взывая к Богу. Но, как всегда, не получил ответа.

Он не помнил, что сделал.

Но что бы это ни было, это стоило ему его ребенка.

ГЛАВА 1

ГЭББИ

Н а ш и д н и

Существует ошибочное представление о том, что истина — изменчивая вещь, что она трансформируется и меняется в зависимости от окружающих ее обстоятельств. Но это не так. Истина — *настоящая* истина — так же непоколебима, как гора. Забудьте об «альтернативных фактах» или «субъективно воспринимаемой реальности». Истина — это *истина*, и никакое переписывание и редактирование, никакая наглая ложь, никакой плутовской вынос мозга не сможет этого изменить. Как когда-то написал Шекспир, «в конце концов правда выйдет наружу»¹. Это всего-навсего

¹ У. Шекспир. Венецианский купец, акт 2, сцена 2. Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

вопрос времени. И моя работа заключается в том, чтобы она «вышла наружу» раньше, а не позже.

— Как продвигается твоя работа по выявлению плагиата, Гэбби?

При звуке моего имени я отрываю взгляд от блокнота, лежащего у меня на коленях, в котором то делаю заметки, то, замечтавшись, машинально рисую чертиков. Выпрямляюсь на стуле — одном из тех, что стоят вдоль стен конференц-зала и служат дополнением к столу «для взрослых», за которым сидят редакторы, пишущая братия, фотографы и дизайнеры. Они здесь главные, а мы, простые смертные, находимся на периферии утренней планерки в редакции журнала «Флюкс».

Прочищаю горло и отвечаю Максусу, нашему суперсексуальному и супербританскому главному редактору:

— Э-э-э... все путем. Проверила все процитированные Лисой источники и прочла относящиеся к делу книги — книгу Джейка Финнегана, а также те три, в плагиате из которых его обвиняют. Так что сейчас я просматриваю его предыдущие работы — хочу понять, является ли это единичным случаем или все это время он писал «франкенкниги» и до сих пор никто этого не замечал.

Все хихикают, кроме Лисы Малберри, автора статьи, о которой идет речь. Она морщит свой прелестный вздернутый носик.

— «Франкенкниги»? — повторяет она.

— Ну, как это было с Франкенштейном. — Она непонимающе смотрит на меня, и я поясняю: —

С тем ученым, который создал из мертвых тел чудовище...

— Я знаю, кто такой Франкенштейн, — раздраженно перебивает Лиса. — И хочу спросить о другом — кто просил тебя копаться в его предыдущих книгах? Если бы я захотела, чтобы ты это сделала, я бы тебе так и сказала.

Несмотря на то что мы с ней работаем вместе уже три года, она, похоже, все еще воображает, будто я стажерка, которая должна ее обслуживать. Но это не так. Я специалист по проверке фактов, иными словами, моя работа заключается в том, чтобы прикрывать коллективную задницу нашего журнала, верифицируя всю информацию, содержащуюся в статьях таких примадонн, как Лиса Малберри, дабы убедиться, что все факты достоверны и могут быть немедленно подтверждены. И да, я могу быть занозой в заднице — вечно хожу по пяткам за авторами, расспрашивая о деталях, касающихся имен, дат и мест, — но они все обожают меня, когда мне удастся представить доказательства, необходимые для того, чтобы на них не подали в суд.

Делаю вдох и стараюсь быть любезной, надеясь, что она поймет намек и в свою очередь будет сдержанной.

— Лиса, я просто говорю, что все не так однозначно, как можно было бы подумать. Обвинение очень серьезно. Мы можем уничтожить репутацию человека. Разрушить его карьеру. Поэтому я и хочу быть уверена, что то, что мы печатаем, соответствует действительности на все сто.

— Ты имеешь в виду *меня*? Ты хочешь удостовериться, что действительности соответствует то, что написала я? — яростно обрушивается на меня Лиса. — Ты что, действительно считаешь, что я сама не подвергла свою статью самой тщательной проверке?

Вот вам и любезность, вот вам и профессионализм.

В разговор со своего места во главе стола снова вступает Макс, и его атака сразу с двух флангов — с одной стороны, неотразимо-шикарный британский акцент, с другой — взор зелено-карих глаз, проникающих в самую душу, — одним махом приглаживает взъерошенные перышки Лисы. Не говоря уже об убажании ее непомерно раздутого эго.

— О, полно, Лиса, ты же знаешь, что Гэбби говорила не об этом, — примиряющим тоном мурлычет он. — Она здесь, чтобы защитить тебя.

На самом деле я здесь, чтобы обезопасить «Флюкс». А тот факт, что при этом заодно будет прикрыта и задница Лисы, — это уж чистая случайность. Вот если бы эту статью писала я... но, конечно же, пишу ее не я. Вообще-то я ни разу не выступила в роли автора статьи, и моя коллега с удовольствием указывает мне на это при каждом удобном случае.

Явно очарованная непринужденной мальчишеской улыбкой Макса, Лиса кивает в знак согласия.

Черт возьми, этот парень знает, как с выгодой использовать свою сексуальность! Должно быть, это какая-то британская черта, потому что я не

могу припомнить ни одного американца, который мог бы стереть с твоего лица хмурое выражение быстрее, чем этот уроженец графства Суррей, — Максвелл Тэйлор-Дэвис.

— Хорошо, тогда давайте продолжим, лады? — спрашивает Лиса и, не дожидаясь ответа, продолжает: — Я рада сообщить, что наши генетические профили, ставшие результатом работы компании «ГенТим», теперь доступны онлайн. Келли отправит каждому из вас логин и временный пароль. Если вы принимали участие в этом деле, пожалуйста, найдите время на этой неделе, чтобы просмотреть результаты и составить краткую сводку полученных данных. Я бы хотела, чтобы этот сюжет был опубликован в ближайшие неделю-другую...

— А на чем в этой публикации будет сделан акцент? — спрашивает Рэнди Гринблатт, еще один из наших штатных авторов. Он намного более талантлив и гораздо реже выводит людей из себя, чем Лиса.

Макс пожимает плечами и загадочно вскидывает бровь.

— Это еще не до конца понятно. Мы слышали тысячи историй о семьях, которые воссоединялись или же распадались по результатам генеалогического тестирования. У меня есть предчувствие, что нам, возможно, удастся обнаружить что-то интересное и здесь, среди наших сотрудников. Мне бы очень хотелось, чтобы мы смогли написать об этом очерк на основе информации, полученной из первых рук. Возможно, у нас тоже есть небольшой ге-

нетический «скелет в шкафу». — Он делает паузу. — Мы также могли бы сравнить работу различных сервисов, создав из сотрудников журнала небольшую тестируемую группу. Разумеется, с разрешения каждого из них.

Это довольно обычная практика для Макса: он вбил себе в голову, что вокруг полно неожиданных сюжетов, которые только и ждут, чтобы их раскопали. С тех пор как он явился к нам девять месяцев назад, сразу после того, как поработал в одном из лондонских таблоидов, он неустанно экспериментирует. Например, призывал добровольцев наносить визиты экстрасенсам или посещать семинары самых известных гуру в области самопомощи и самосовершенствования, а три месяца назад предложил всем желающим плюнуть в маленькую пластмассовую пробирку, чтобы выяснить, не приходится ли кто-то из нас родней королеве Елизавете... или, что было бы еще лучше, Меган Маркл.

Обычно я не откликаюсь на эти факультативные эксперименты, но после того, как в прошлом году умер мой отец, я обнаружила, что мне недостает родственных связей. Единственный ребенок родителей, которые в своих семьях также были единственными детьми, я росла, не имея ни тетюшек, ни дядюшек, ни кузенов с кузинами, — что было бы вполне терпимо, имейся у меня компания близких друзей. Но у меня ее нет. Конечно, у меня есть несколько подруг, с которыми я время от времени встречаюсь, чтобы вместе выпить, или пообедать, или сходить в кино, но дело в том,

что мы с моими родителями были очень сплоченной и обособленной командой — только мы трое и больше никого. Ни родственников, ни близких друзей семьи. Всегда были только... мы. И мне это нравилось. Но теперь осталась только я — я одна. Так может, с помощью ДНК мне удастся разыскать хоть какую-то родню — какую-нибудь троюродную сестру или брата, какую-нибудь двоюродную бабушку, о которых я ничего не знаю.

— На этом все, друзья, — говорит Макс и, захлопнув свой ноутбук, выдает стандартное благословение, которое всегда произносит в конце планерки: — А теперь идите и вовлекайте массы!

Я не ухожу под предлогом того, что мне надо что-то отыскать в моей сумке. Перерываю ее содержимое несколько раз, пока большинство сотрудников не расходятся. Затем подхожу к моему боссу, который с недовольным видом смотрит на что-то в своем телефоне. Через несколько секунд он поднимает взгляд на меня и улыбается.

— Отличная работа, Гэбби. Мне нравится, что ты делаешь все возможное и невозможное, чтобы в наших публикациях все было точно и комар носа не подточил.

Я подавляю желание растаять и растечься лужей на полу. Но то, что я хочу сказать, слишком важно, чтобы беспомощно застыть в цепком луче его обаяния.

— Спасибо, Макс. Я признательна тебе за твою высокую оценку. Я просто... я хотела спросить, не подумал ли ты еще над тем предложением, которое я отправила тебе на прошлой неделе.